

Становление управленческих и трудовых ценностей в этике Ренессанса

С. А. Михайлина¹

¹*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

mikhaylina_s@mail.ru

Выявляются истоки хозяйственной и управленческой этики, возникшей в эпоху Возрождения в трудах Альберти, Кастильоне, Монтеня на гуманистических основаниях. Утверждается, что впервые нормативные своды, одобряемые нравственно-поведенческие модели опираются не на религиозную традицию, сакральный авторитет, а на разум, свободную волю активного человека, здравый смысл и ценность индивидуальности. Показано, как образ достойного хозяина у Альберти и человека свиты (светской культуры) у Кастильоне сопрягается с античным идеалом калокагатии. Названы основные пути его достижения: умение управлять собой; поиск и обретение должного соотношения между личным и общественным благом. Указывается, что в период позднего Ренессанса при переходе к мировоззрению Нового Времени акценты в проблематике трудовых ценностей смещаются в сторону значимости досуга, праздности как пространства свободы и самопознания, продуцирующее творческие импульсы. Проанализированы проблемы управления, труда и досуга в «Опытах» Монтеня. Раскрыт исторический и диалектический характер хозяйственных и трудовых ценностей, отмечена актуальность наследия гуманизма Возрождения для современной практики управления.

Ключевые слова: гуманизм, труд, трудовые ценности, праздность, досуг, гармония, управление, достоинство, хозяйственная этика.

Formation of managerial and work values in the ethics of the Renaissance

S. A. Mikhailina

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

mikhaylina_s@mail.ru

The sources of economic and managerial ethics that arose in the Renaissance in the works of Alberti, Castiglione, Montaigne on humanistic grounds are revealed. It is argued that for the first time, normative codes, approved moral and behavioral models are based not on religious tradition, sacred authority, but on reason, free will of an active person, common sense and the value of individuality. It is shown how the image of a worthy master in Alberti and a man of his suite (secular culture) in Castiglione is combined with the ancient ideal of Kalokagati. The main ways to achieve it are named: the ability to manage oneself; search and finding the proper balance between personal and public goods. It is pointed out that during the period of the late Renaissance, during the transition to the worldview of the New Time, the accents in the problems of labor values are shifted towards the importance of leisure, idleness as a space of freedom and self-knowledge, producing creative impulses. The historical and dialectical nature of economic and labor values is revealed, the relevance of the heritage of Renaissance humanism for modern management practice is noted.

Key words: humanism, labor, labor values, idleness, leisure, harmony, management, dignity, values, economic ethics.

Институционализация отношений управления происходит на основе определения статуса и социальной роли субъекта, обладающего ресурсами и инструментами власти. Одновременно происходит становление системы норм, регулирующей степень ответственности данного статуса. К основным задачам управленческих регулятивов можно отнести легитимацию форм и способов взаимодействий, поддержание социального порядка, самоопределение субъектов по отношению к ценности труда. Нормы и установления исторически изменчивы, подвижны, зачастую не формализованы. При этом любые из них определяют права и обязанности управляющих и управляемых, поддерживают определенные модели поведения в хозяйственной, трудовой сфере.

Составление сводов норм, разного рода наставлений имеет давнюю традицию и традиционные же основания: божественное происхождение, ссылки на авторитет предков либо духовного учителя, «отца-основателя»; в современности — на лидеров мнения для данной социальной группы. Чтобы обрести значимость, нравственно-поведенческие своды нуждаются в сакрализованных источках, в своего рода мифотворчестве. Ссылка на духовный авторитет и в современных культурных условиях служит необходимым ориентиром в лавине информации, многообразии мнений, интересов. В коллективном сознании всегда существует потребность охранения особо значимых ценностных ориентиров.

Впервые в истории европейской культуры поведенческие модели, своды-наставления, регламентирующие управленческие и трудовые отношения, основанные не на религиозной традиции, сакральном либо историческом авторитете, но опирающиеся на здравый смысл и ценность человеческой индивидуальности появляются в трудах гуманистов Ренессанса. Сущность человека раскрывается гуманистами как наделенность свободной волей, потенциальным достоинством, мерой, гармонией, которые разворачиваются в формах активной созидательной деятельности и рационального познания.

Нравственно-поведенческие модели и нормы, которые соотносятся с тем, что признается достойным и благородным, гуманисты Возрождения называли «цивилизованными» (*civil, courtois*). Здесь оценка образа и поступков в качестве подобающих или, напротив, непристойных, обусловлена как социальным положением, так и рационально-практически, а также имманентно присущим эстетическим идеалом. Достойное поведение являет подлинную сущность человека и ее нравственную составляющую. Утверждалось, что индивид сам прежде всего должен уметь управлять собой, что позволяло преодолеть одобряемое в эпоху средневековья общее, типичное и выдвинуть на первый план особенное, осознать индивидуальность как ценность. Индивидуальность проявляется через волю и позволяет соответствовать предназначению, данному человеку Творцом. Пико делла Мирандола утверждает, что человек, не сдерживаемый никакими ограничениями, «по своему произволу» устанавливает границы той природы, в чьи руки отдает его Господь. По словам Л. Б. Альберти, человек по природе наделен особыми качествами, способными удержать его от всего дурного и низкого. Гуманисты установили, что благородство и достоинство зависят не от происхождения, а определяются благими делами, которые в свою очередь способны вершить разумные, просвещенные и свободные люди. Невежество Альберти считал величайшим пороком, ведь именно оно ограничивает свободу, сворачивая перспективу совершенствования человека.

Универсальная ценность личностного достоинства парадоксальным образом разворачивается в партикулярных описаниях-наставлениях, содержащихся в знаковых произведениях мыслителей Ренессанса: трактатах «О семье», «Домострой» Леона Баттисты Альберти и «Книге придворного» (или «Придворный») Бальдассаре Кастильоне.

В сочинениях Альберти представлен идеал разумного и достойного человека-хозяина в его самоопределении. Вера в потенциально безграничные возможности человека приводят автора к размышлениям о тех

условиях существования, в которых актуализируются божественные дары. Гуманист утверждает, что человек не для того родился на свет, чтобы проспать свою жизнь, но для того, чтобы прожить ее достойно и прекрасно. Соотношение достоинства и хозяйственности (*masserizia*), образец «человека рачительного» раскрывается как собрание наставлений автора управляющему домашним хозяйством или советом отца семейства своим сыновьям и домочадцам. Великий гуманист широко трактует термин *masserizia*, называя ее «святым делом» (*Sancta cosa*) в силу того, что она творит упорядоченность, гармонию повседневности, трудов и радостей жизни. С одной стороны, автор декларирует необходимость постоянной занятости каждого члена семьи, праздность является непозволительной; с другой стороны, труды должны быть уравновешены радостным настроением: «Хозяйственность означает правильное распоряжение собственной душой, телом и временем. <...> Тело должно быть здоровым, крепким, красивым... Следует владеть своими страстями; не нарушать душевного спокойствия завистью; сохранять хорошее и веселое расположение духа» [9, с. 375]. Значение здоровой психологической атмосферы в семейных занятиях неоднократно подчеркивается автором.

Альберти советует хозяину тщательно планировать трудовой день, так как организуя свое время, можно стать «господином всего», чего пожелаешь. Всякое время будет потерянным, если оно не употребляется на то, чтобы поступать наилучшим образом, стать образованнее, приятнее и полезнее людям благодаря практикуемым добродетелям. Время рассматривается как важнейший фактор земного бытия, его надлежащее использование приобретает моральный смысл. Здесь реализуется свобода воли, направленная на совершенствование человека, его активное утверждение во внешнем мире. У гуманистов время перестает быть исключительной прерогативой Бога и переходит во власть человека. В домохозяйстве, где нет

праздности и расточительности, принцип экономии распространяется и на время: с ним нужно обращаться так же бережно, как и с другим имуществом, с проявлением индивидуальности (самости) человека. Более того, время, данное человеку наряду с душой и телом, является его собственностью, гораздо более ценной, чем подвластные фортуны власть, богатство, положение в обществе. Один из персонажей Альберти советует каждое из планируемых дел рассчитывать по времени: если вечером, когда подводят итоги сделанного за день, обнаруживается некое упущение, то его следует тотчас исправить, пренебрегая сном, едой и другими занятиями, которые в отличие от времени можно наверстать. Но следует знать меру между делами и веселым заслуженным отдыхом. Важна в доме и мера комфорта: удобство и добротность вещей свидетельствует о прочности и при этом радует глаз, что предпочтительнее изысканной роскоши.

Стремление к богатству Леон Баттиста считает естественным для человека: во-первых, в семье не должно быть недостатка; во-вторых, деньги, преумноженные трудом и бережливостью, являются залогом независимости и безопасности человека; в-третьих, они — условие достойного положения в обществе домохозяина и его семьи. Нечестные методы обогащения недопустимы, поскольку лишают семью доброй репутации. Автор последовательно осуждает обладание ради обладания; ценностью является скорее умение разумно распоряжаться своим достоянием. Все расходы делятся на необходимые и необязательные, а последние — на допустимые и безумные. К необходимым относятся расходы на содержание дома и на ведение *своего дела*. Следует быть щедрым, когда необходимо поддержать честь семьи и отечества. «Бережливость позволяет помочь родственнику, другу или отечеству». Следует держаться золотой середины (умеренность, *liberalita*) между скарденностью и расточительством¹. «*Fama, Gloria, Onore* (известность, слава, честь), достигаемые богатством

¹ Определение добродетели щедрости у Аристотеля, ставшее классическим.

и личными заслугами...» — лейтмотив трактата гуманиста [см.: 9, с. 377].

Самым подходящим для гармонии личной и общественной пользы является такое предприятие, где «занято много рук», — в этом случае «денежные средства распределяются среди большого количества людей, из чего проистекает немалая польза для бедных». Альберти считает, что для обогащения следует избирать подобную общественно полезную сферу предпринимательства, но и в любом деле нужно использовать честные пути к благосостоянию: «бережливость, умелое ведение торгово-промышленных дел, правильная организация хозяйства семьи, строгий баланс ее доходов и расходов» [см.: 2, с. 167].

Указав, что данную человеку от природы способность к деятельности следует настойчиво развивать, Альберти советует молодежи подбирать для себя наиболее полезное и почетное дело. Управлять божественными дарами-способностями нужно в разнообразных ситуациях, применяя научное знание. «Правильный выбор занятий — лишь первый шаг к успеху: важно приложить максимум усилий, весь свой опыт и знания, только тогда труд увенчается почетом» [2, с. 158]. Техническая изобретательность Альберти как архитектора дает ему право от каждого требовать творческой рациональной организации жизненной среды. Управляя собой: своими страстями, телом, временем, хозяйством и имуществом, способностями, — человек творит порядок (гармонию) и в самом себе, и вокруг. Основа и критерий порядка — мера, постигаемая эстетическим чувством, которое, согласно Альберти, присуще человеку от природы. Призывая к обретению достойного облика, к прекрасному поведению, выражающему зрелость и *umanità* (человечность, уважение и снисходительность к людям), Альберти настаивает на подлинности чувств, искренности намерений: «быть такими, какими вы желаете выглядеть» [9, с. 381]. Зная, что есть порок, избегая корыстолюбия, сварливости, развязности, хозяин должен завоевывать сердца, приобретать доброе имя и симпатию сограждан. Автор трактата

«О семье» заповедует сыновьям внушительный перечень добродетелей хозяина, которым следует овладеть: трудолюбие, умеренность, благоразумие, учтивость, справедливость, скромность, а также «*onestà*» (честность, верность, как супружеская, так и верность договорам). При этом важно правильное отношение к добродетели; это не аскеза, а нечто скорее очаровательное: *la virtù e tutto lieta e graziosa*. Радостной должна быть и повседневная жизнь.

Ценность достойного положения, как и доброй славы семьи, утверждает согласие в отношениях индивида и общества, личного и общего блага. Эта цель деятельности совпадает, по сути, с актуальным концептом современности: социальной ответственностью бизнеса. Однако Альберти считал возможным ставить интересы семьи выше сиюминутной общественной пользы в определенных обстоятельствах. Допускается, например, отказ от государственной службы ради сосредоточения на хозяйственной работе, так как благосостояние государства зиждется на прочности и процветании отдельных семей и хозяйств.

В трактате Балдассаре Кастильоне «Придворный» сформулирован свод правил, достоинств и обязанностей того, кто делает свиту, а значит, представляет правящую группу. Стержнем данной модели поведения благородного человека является естественность совершенства, «простота» сложного. Цель, к которой стремится обхождение светского человека, — овладение «*spezzatura*»: способностью придавать трудному вид простого. Манеры придворного должны быть естественными без неловкости; он обязан владеть несколькими искусствами, знать языки, практиковать модные виды спорта; быть любезным и внимательным, избегать сплетен, злоязычия и лжи. Верная служба королю важна, но до определенного предела; существуют такие обстоятельства, в которых личная ответственность главенствует, ставится выше приказов и верности монарху. Подобного рода дилеммы, моральные конфликты описываются в трагедиях Шекспира. Например, в ситуации, когда повелевается

совершить либо предательство, либо то, что вредит, роняет честь и государя, и самого придворного, неповиновение является обязанностью человека, который хранит достоинство (см.: [5]). «Придворный», по замечанию Я. Буркгардта, служит образцом обхождения, но «еще в большей степени примером личного совершенствования ради себя самого» [7, с. 139].

В соответствии с калокагатийным идеалом, в воззрениях Б. Кастильоне на совершенного человека собственно этическое начало не отделяется от эстетического. В «придворном» все должно быть гармонично, причем прекрасный внешний облик не может не выражать красоту души. Красота и грация, если они не даны от природы, вырабатываются упражнениями (программа телесного воспитания включает бег, плавание, верховую езду и т. д.). Выразительной иллюстрацией данных воззрений является история с портретом самого Б. Кастильоне кисти гениального Рафаэля. Считается, что гуманист писал свой трактат, часто посматривая в зеркало. Облик рассказчика не менее привлекателен, чем другие персонажи книги, и, возможно, наиболее полно соответствует исповедуемым идеалам. Сам идеал совершенного человека внесословен, «аристократизмом» для Кастильоне выступает благородство как этическое понятие. Борис Бим-Бад, высоко оценивая наследие гуманиста, пишет, что оно развило светскую культуру, как культуру синтетическую. «В ней сочеталась ученость с практическим действием, интеллект с волей, физическая сила — с моральной» [1].

В трудах «Придворный» и «О семье» нравственно-поведенческие правила презентуются авторами как идеально всеобщие, истинные применительно к «проекту человека» эпохи Ренессанса. При этом как у Альберти, так и у Кастильоне нет необходимости ссылаться на традицию, авторитет, мифологические истоки и т. п.; их собственные высокие достижения и яркая индивидуальная форма выражения достоинства дают им право на роль наставника, являются основанием своеобразного «лидерства мнений». Свиде-

тели и биографы сообщают о редких достоинствах гуманистов, их человеколюбии, щедрости и сдержанности, прекрасных манерах, настойчивости и выдающихся успехах в физическом и интеллектуальном совершенствовании. Например, Дж. Вазари писал об Альберти: «Был Леон Баттиста человеком нрава обходительнейшего и похвального, другом людей добродетельных, приветливым и вежливым со всеми без исключения; и прожил он всю свою жизнь достойно и, <...> довольный и спокойный, ушел в лучшую жизнь, оставив по себе почетнейшую славу» [3, с. 8].

Столь же влиятельной личностью в социокультурном пространстве своего времени (XVI век) был Мишель Эйкем де Монтень — аристократ, мэр Бордо, депутат Генеральных штатов, автор новаторского по форме и духу сочинения «Опыты». Оно включает собрание моралистических эссе, описывающих жизненные ситуации, исторические события и казусы, опыт саморефлексии, философские размышления блестящего эрудита с позиций скептического эмпиризма. *Von sens* (здравый смысл), пирронизм, эпикурейская этика стали здесь основанием для острой критики закоренелых предрассудков, догматизма разного рода, религиозного авторитаризма. Взгляды мыслителя сочетают в себе гуманистическое мировоззрение эпохи Возрождения и характерные особенности философии Нового Времени.

Исследователей творчества Монтеня занимает проблема порядка рассуждений, композиционных приемов «Опытов». Кажущаяся неупорядоченность наблюдений и описаний событий, противоречивость выводов-сентенций, согласно многим исследователям, есть способ выражения принципа спонтанности (непреднамеренности), естественной легкости в изложении содержательно глубоких мировоззренческих оснований позиции гуманиста. В эссе «О праздности» первой книги «Опытов» автор замечает, что в состоянии праздности его ум, словно вырвавшийся на свободу конь, производит больше мыслей, хоть и более хаотично, непоследовательно, чем если бы он был занят

работой для других. Автор счел необходимым занести на бумагу свои беспорядочные «причудливые и нелепые мысли», чтобы, как он с иронией указывает, в дальнейшем ум их устыдился (см.: [8; 1, с. 33]). Изменчивость человеческой природы, знаний, общественных устоев, отражающих противоречивость самой жизни, — одна из ведущих тем наблюдений и философских рассуждений Монтеня.

Французский искусствовед Даниэль Араасс считает, что «именно sprezzatura — притворная небрежность, таящая в себе самую суть эстетического опыта, сближает автора знаменитого трехтомника с представителями знати, которые следовали правилам поведенческой этики, сформулированным Бальдассаре Кастильоне в его книге «Придворный» [10, с. 191]. Принцип sprezzatura («искусство искусно утаивать искусство») определяет стиль, модель общения высокостатусного и образованного человека того времени, придавая свободу и легкость, лишая пафоса в изложении философско-этических взглядов писателя, выявляя «талант изобретать новые литературные формы» [Там же]. Статус — не единственная предпосылка творческой раскованности бордосского мыслителя. Здравый смысл и познавательная установка эмпиризма, сосредоточенность на персональном, как бы единичном, экзистенциальном и социальном опыте, последовательный отказ от наставлений общего характера (явных назиданий) — вот истоки свободы и новаторства Монтеня, причина необычайной популярности самой читаемой книги XVII столетия, которая «в живой и блестящей литературной форме» раскрывает «глубину, крайнюю напряженность и увлекательную сложность внутреннего мира человеческой личности» (см.: [4, с. 314]).

Тотальное непостоянство и текучесть жизненных обстоятельств, отраженное в композиции «Опытов» (изложение мыслей в их естественном, часто непоследовательном ходе возникновения, переплетений, зигзагов), обусловило диалектико-критическую позицию автора, неприятие абсолютизации

каких-либо установлений, абстрактных добродетелей — своего рода толерантность. В главе XII второй книги Монтень предполагает, «что Платон умышленно любил философствовать в диалогической форме, ибо многообразие и противоречивость его взглядов не так бросались в глаза, когда их излагали разные собеседники. Рассматривать предметы с разных точек зрения так же хорошо, как и рассматривать их под одним углом зрения, или даже еще лучше, ибо такое рассмотрение шире и полезнее» [8; 2, с. 193]. Монтень посвятил эссе «О непостоянстве наших поступков» теме противоречивости качеств и многомерности человеческого характера, в том числе на примере критического самоисследования. В зависимости от точки зрения он находит в себе «...и трудолюбие, и изнеженность; и изобретательность, и тупость; и угрюмость и добродушие; и лживость, и правдивость; и ученость, и невежество; и щедрость, и скупость, и расточительность» [8; 2, с. 9]. Цельно, без сочетания противоположностей определить человека невозможно, к оценке поступков также следует подходить взвешенно, исходя из принципа конкретности истины. Несмотря на то, что похвалы достойно деяние, а не сам индивид, зрелый ум не станет судить поверхностно: значение имеют и намерения, более глубокие духовные движения и внутренние мотивы.

Подобные установки мы находим в рассуждениях о делах хозяйственных. Монтень замечает, что излишнее стремление во всем упорядочить хозяйственную деятельность (например, управление своим имением) наталкивается на событийную неопределенность: обеспеченность, на которую хотя опереться хорошие хозяева, «столь же неустойчива и столь же подвержена разного рода случайностям, как и сам случай» [8; 1, с. 67]. Поэтому сам он погоне за обеспеченностью предпочитает получение дохода на повседневные нужды, тем паче, что представления о довольстве и бедности субъективны: «и богатство, равно как и слава или здоровье, прекрасны и привлекательны лишь настолько, насколько таковыми находят

их те, кто пользуется ими. Каждому живется хорошо или плохо в зависимости от того, что он сам по этому поводу думает» [Там же]. В главе XXII с говорящим названием «Выгода одного — ущерб для другого» сформулирован отрезвляющий взгляд скептика на идеал гармонии общественных и личных интересов: «вообще говоря, нет такой выгоды, которая не была бы связана с ущербом для других; и потому, если рассуждать как Демад, следовало бы осудить любой заработок» [8; 1, с. 115].

Глава «О суетности» повествует о соотношении между занятиями по призванию и деятельностью, необходимой для заработка. Монтень пишет, что охотно отвлекается от управления хозяйством, так как привык к другим занятиям, более подходившим его душевному складу. С присущей самоиронией он относит это к числу своих слабостей. Автор сожалеет, что отец, которого призвание сделало счастливым, не оставил ему в наследство «страстную любовь к своему хозяйству». Всякому хозяйственному рвению успешный во многих отношениях бордосский вельможа предпочитает умеренность, соизмеримость накопления и потребления, исповедует принцип достаточности. Здесь же Монтень позволяет себе дать совет² другим: «На худой конец, ускользайте от разорения, урезывая свои расходы. Я это и делаю, одновременно стараясь поправить свои дела, прежде чем они заставят меня взяться за них. А пока я установил для себя различные ступени самоограничения, имея в виду довольствоваться меньшим, чем то, что у меня есть; и, хотя я говорю «довольствоваться», это вовсе не означает, что я обрекаю себя на лишения» [8; 3, с. 193]. Благополучие, по признанию Монтеня, дисциплинировало и научало его сильнее, чем «невзгоды и розги» — других. Для бордосского мыслителя умение соблюдать взаимные обязательства, тонкое искусство «оказывать благодеяния и платить признательностью за те, что тебе оказаны», — важнее обогащения. Искусство быть благодарным требует опыта, обязательства не должны ста-

вить человека в зависимость; тягостная форма обязательств, от которых зависит сама жизнь и смерть, подавляет.

Монтень верно подмечает, что распространённые правила и установления призваны обеспечить коллективный труд и общее благо, обуздывая индивидуализм как «чрезмерную, хотя и естественную привязанность к самому себе». В труде на благо общества все же следует избегать крайностей: обладатель должности не вправе отказываться от заботы, внимания, от «пота и крови, если это понадобится», которых требуют связанные с ней обязанности. Но и отказ от удовольствия жить здраво и весело во имя служения другим — противоположный путь: нельзя допускать, чтобы дух был бездеятелен, вместе с тем он не должен чувствовать гнет, пишет Монтень в эссе «О том, что нужно владеть своей волей». «Я умел выполнять общественные обязанности, не отдаляясь от себя ни на одну пядь, и отдавать себя на службу другим, ничего не отнимая от самого себя» [8; 3, с. 265] — вот тот важнейший жизненный опыт, которым необходимо поделиться. В человеке же, поглощённом тираническим стремлением решать и повелевать, неудержимость желания неизбежно берет над ним верх, заставляя совершать безрассудства и несправедливость; и, если тому не улыбнется удача, служение общественному благу может оказаться своей противоположностью [Там же]. Тирания и в речах, и в поступках ненавистна Монтеню. Столь же диалектически взвешенно автор относится к новшествам. Много блеска в том, чтобы вводить их, но они и без того довлеют в меняющемся мире; подчас более благородно бездействовать, оставаясь в тени, что Монтень и ставит себе в заслугу. На общественном поприще достойный человек совершает необходимые для дела поступки; то, что предпринимается ради честолюбия, — пустая трата сил. Человеку чести мудрец советует избегать запутанности в делах и не ввязываться в сомнительность предприятия и «крикливые споры» [8; 3, с. 274].

² Хотя мыслитель и предупреждает, что всякий совет действителен лишь в определенное времени в силу непрерывной изменчивости обстоятельств и даже сущность вещей [8; 3, с. 34].

«Господин мэ́р и Мишель Монтень никогда не были одним и тем же лицом, и между ними всегда пролегал отчетливо обозначенная граница» [8; 3, с. 270]. Так автор «Опытов» формулирует положение о том, что человек не есть только его должность или какая-либо социальная роль, которую нужно играть добросовестно, не забывая, что «это всего-навсего роль, которую нам поручили. Маску и внешний облик нельзя делать сущностью, чужое — своим» [Там же]. Необходимо видеть и хранить в себе сокровище индивидуальности и внутренней свободы, ориентируясь на принципы «уместности» и «*bon sens*» в отношении всякого рода формальных предписаний.

В решающие жизненные моменты бездействие недопустимо, — основной тезис эссе «Против безделья». На примере полководцев и мыслителей прошлого автор развивает мысль об особом рода мужестве даже перед лицом смертельной опасности, следуя знаменитой сентенции: «возделывай свой сад», занимайся своим делом. Верность ему при любых обстоятельствах возведена в ранг высокой добродетели, именно это и обеспечивает победу, сохраняет человеческое достоинство и приносит плоды, пусть и не материальные. Замечания об относительности ценностей трудолюбия и рвения, справедливых обязательств и тягостных зависимостей, как и другие соображения автора, представляют его не как человека, «решения которого заранее предопределены высшими социальными инстанциями или «объективными» духовными системами» [4, с. 314], а в качестве самостоятельно мыслящей, внимающей собственным чувствам личности.

Не оставлены без внимания гуманиста особенности человеческой природы, проявляющиеся в отношениях власти и управления. Монтень считает естественным стремление любого человека к власти и свободе: выйти из подчинения и присвоить себе право распоряжаться. Для вышестоящего нет ничего в подчиненном «более ценного, чем простодушное и бесхитрое повиновение», которое, впрочем, полезно только при условии «точного и определен-

ного приказанья» (см.: [8; 1, с. 79]). В свою очередь, в обязанности подчиненного входит правдивое и полное информирование руководителя, что поможет тому определиться с решением и отдать более четкое распоряжение. Речь идет о взаимной ответственности, о пути с двусторонним движением. Человек высокого во всех отношениях уровня, находящийся в подчинении, может быть максимально плодотворным в атмосфере взаимного доверия. О себе Монтень пишет, что ему редко приходилось заниматься не своими делами. Выполнять же чужие дела-поручения он соглашался при условии своей автономности, самостоятельности в выборе времени и прочего. Монтень отмечает, что люди, которые что-либо поручали ему, хорошо знали, что он собой представляет, и доверяли, «не толкая в спину». Подмеченный таким образом характер взаимодействия в отношениях «руководство — подчинение» требует соответствующих форм общения. Монтень настаивает, что предписание обращаться к слугам повелительным тоном, не допуская непринужденности или шуток, — бесчеловечно. Несправедливо подчеркивать несущественное, дарованное судьбой преимущество, «и порядки, установленные в домах, где различие между господами и слугами ощущается наименее резко, кажутся мне наилучшими», пишет он в эссе «О трех видах общения» (см.: [8; 3, с. 43]). Данное замечание не утрачивает актуальности, ведь форма общения, в которой намеренно выпячиваются иерархические различия (помимо реализации рациональной субординации), лишает коммуникации человечности, достоинства, что в конечном итоге нарушает эффективность взаимодействия. Опираясь на индуктивный метод и принцип многообразия, Монтень указывает, что людей несхожих склонностей и способностей следует вести к благу различными путями, исходя из их нрава (см.: [8; 3]). Такой же индивидуальный подход автор рекомендует применять и к обучению, где строгость должна сочетаться с мягкостью. «Откажитесь от насилия и принуждения; нет ничего, по моему мнению, что так бы уродовало и извращало природу

с хорошими задатками». Развивать ум, а не просто нагружать знаниями, прививать вкус и любовь к науке, — в этом смысл и благо воспитания (эссе «О воспитании детей») [8; 1, с. 183].

Среди ярких афоризмов Монтеня выделяются те, что посвящены праздности как излюбленной форме времяпрепровождения мыслителя. Он благодарен судьбе за то, что по рождению обладал тем уровнем благополучия, который избавляет от необходимости быть под началом и оставляет время для праздности и безделья. За самоироничным откровением писателя, который ставит опыты по познанию самого себя, скрываются глубокие мысли мудреца о назначении человека, о траекториях его самосовершенствования и достижения счастья. «Я плохо умею управлять и распоряжаться собой. Случай имеет надо мной большую власть, чем я сам», — признается Монтень в эссе «О праздности». Свободное время в уединении — наибольшее благо для ума философа, которому предоставлена возможность «вести беседу с самим собою, сосредоточиться и замкнуться в себе» [8; 1, с. 33]. «Монтень был вдохновлен утопией праздности», следуя установке скептицизма «воздерживаться от суждений, претендующих на безусловную достоверность, понимая безразличие как дистанцированную, отстраненную позицию познающего» [10, с. 199]. В опыте спонтанной праздности, отражающем жизненное непостоянство, изменчивость мира и человека, обретается идентичность и творческая свобода, обнаруживается твердое основание гармонии с самим собой. Из противопоставления стихийной событийности, суеты повседневных дел состоянию праздности мыслящего и чувствующего человека извлекается общий принцип самоактуализации, своего рода энтелехии души.

Скептическая этика Монтеня фиксирует раздвоенность морали, вытекающую из несовпадения абсолютизированных моральных требований, пусть даже глубоко интериоризированных субъектом, и реальных нравов, ситуаций, в которых общепризнанные еще с античных времен добродетели

оказываются относительными. Нравственное самоосуществление индивида имеет уникальную траекторию, сформированную векторами рефлексии эмпирического многообразия жизненных событий, интеллектуальной проработки личных убеждений («Всякое убеждение может быть достаточно сильным, чтобы заставить людей отстаивать его даже ценою жизни» [8; 1, с. 53], а также образованием и воспитанием. Эта духовная работа требует отстраненности в формах спонтанной праздности или лени, в тех моментах времени, когда индивид может выйти за пределы своей личности и довлеющих социальных устоев в пространство свободы в поиске истинного назначения и глубинного потенциала.

Тема диалектической взаимосвязи труда и отдыха свободного человека затрагивается в творчестве Джордано Бруно. Труд у него рассматривается не как добывание средств к существованию, а как свободная творческая самодеятельность, достойная «героического энтузиазма». Ценность человека заключается в деятельности, а досуг — ее неотъемлемая составляющая, так как представляет собой отдых, дающий силы, свежесть эмоциям и разуму, которые продуцируют творческие импульсы. Ничто ценное без досуга не может возникнуть. «Труд должен управляться Досугом, а Досуг — умеряться Трудом. Благодаря Досугу Труд становится разумнее, скорее и производительнее, ибо от труда очень тяжело переходить снова к труду...» (цит. по: [4, с. 301]).

Известно, что К. Маркс считал свободное время важнейшей ценностью, «формой общественного богатства», «мерилом богатства коммунистического общества», которое раскрывает простор для свободной деятельности и развития [6, с. 217].

Уроки мыслителей Возрождения находят свое развитие в управленческой концепции «человеческих отношений», оставаясь актуальными для современной практики, вменяя руководителю ответственность за выстраивание, презентацию и исполнение должных образцов организационного поведения. Понимание необходимости самосовершенствования путем

овладения основными добродетелями: благоразумием (самоконтроль) и справедливостью, терпимостью и открытостью новому, психологической гибкостью и неприятием штампов — дает возможность в любого рода предпринимательстве сочетать личные интересы с общественной пользой.

Литература

1. **Бим-Бад Б. М.** Характер и жизнь как произведение искусства. [Электронный ресурс] // Бим-Бад Борис Михайлович: [авт. сайт]. URL: http://bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1754 (дата обращения 10.09.2020).
2. **Брагина Л.М.** Социально-этические взгляды итальянских гуманистов. Вторая половина XV века. М.: Изд-во МГУ, 1983. 303 с.
3. **Альберти Л.Б.** Десять книг о зодчестве. М.: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1935—1937. Т. 2: Вазари Дж. Жизнеописание Леона Баттисты Альберти. XIV. 792 с.
4. **Гусейнов А.А., Иррилиц Герд.** Краткая история этики. М.: Мысль, 1987. 589 с.
5. **Кастильоне Б.** Придворный / Пер. О.Ф. Кудрявцева // Сочинения великих итальянцев XVI века. СПб.: Алетейя, 2002. С. 181—247.
6. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. 2-е изд. Т. 46: Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. М.: Политиздат, 1968. Ч. I. С. 5—392.
7. **Михайлов А. Д.** Кастильоне. Мемуарная и биографическая проза // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1983—1994. [На титл. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т.]. Т. 3. 1985. С. 137—141.
8. **Монтень Мишель.** Опыты. Избранные произведения: в 3 т. М.: Голос, 1992. Т.1. 384 с.; Т.2. 560 с.; Т.3. 416 с.
9. **Оссовская М.** Рыцарь и буржуа: исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
10. **Савицкий Станислав.** Праздность и свобода по Монтеню // Логос. Т. 29(1). 2019. С.189—202.
2. **Bragina L.M.** Social'no-jeticheskie vzglyady ital'janskikh gumanistov. Vtoraja polovina XV veka. M.: Izd-vo MGU, 1983. 303 s.
3. **Al'berti L.B.** Desjat' knig o zodchestve. M.: Izdatel'stvo Vsesojuznoj akademii arhitektury, 1935—1937. T. 2: Vazari Dzh. Zhizneopisanie Leon-Battisty Al'berti. XIV. 792 s.
4. **Gusejnov A.A., Irrlitc Gerd.** Kratkaja istorija jetiki. M.: Mysl', 1987. 589 s.
5. **Kastil'one B.** Pridvornyj / Per. O.F. Kudrjavceva // Sochinenija velikih ital'jancev XVI veka. SPb.: Aleteja, 2002. S. 181—247.
6. **Marks K., Jengel's F.** Sochinenija. 2-e izd. T. 46: Marks K. Jekonomicheskie rukopisi 1857—1859 godov. M.: Politizdat, 1968. Ch. I. S. 5—392.
7. **Mihajlov A. D.** Kastil'one. Memuarnaja i biograficheskaja proza // Istorija vseмирnoj literatury: v 8 t. / AN SSSR; In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo. M.: Nauka, 1983—1994. [Na titl. l. izd.: Istorija vseмирnoj literatury: v 9 t.]. T. 3. 1985. S. 137—141.
8. **Monten' Mishel'.** Opyty. Izbrannye proizvedenija: v 3 t. M.: Golos, 1992. T.1. 384 s.; T.2. 560 s.; T.3. 416 s.
9. **Osovskaja M.** Rycar' i burzhua: issledovanija po istorii morali. M.: Progress, 1987. 528 s.
10. **Savickij Stanislav.** Prazdnost' i svoboda po Montenu // Logos. T. 29(1). 2019. S.189—202.

Submitted 16.08.2020

Mikhaylina Svetlana A., Candidate of Philosophy, Associate Professor. Associate Professor philosophy, sociology and political science National Research University «MIET» (124498, Moscow, Zelenograd, Zeleznograd, Shokin sq., 1), mikhaylina_s@mail.ru

Поступила 16.08.2020

Михайлина Светлана Анатольевна — кандидат философских наук, доцент. Доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), mikhaylina_s@mail.ru

References

1. Bim-Bad B. M. Charakter i zhizn' kak proizvedenie iskusstva. [Elektronnyj resurs] // Bim-Bad Boris Mihajlovich: [avt. sajt]. URL: http://bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1754 (data obrashhenija 10.09.2020).